

АХМАТОВА И ПУШКИН. ЗАМЕТКИ К ТЕМЕ

III. «Невидимых звон копыт»¹

В книге «Творчество Анны Ахматовой» В. М. Жирмунский писал о творческой истории «Поэмы без героя»: «В развязку введена была первоначально отсутствовавшая картина снежной метели на Марсовом поле <. . .> с апокалиптическим видением Медного всадника:

Бал метелей на Марсовом поле
И невидимых звон копыт».²

Отсылку к пушкинскому образу подверг сомнению Л. К. Долгополов.³ Впрочем, речь здесь о споре идти не может — высказывания оппонентов принадлежат к разнокачественным сферам духовного опыта.

Впечатление В. М. Жирмунского, помимо прочего, поддерживается почти неразличимой цитатой из «Медного всадника» в стихах, непосредственно следующих за приведенными ранее:

И безмерная в том тревога,
Кому жить осталось немного (368).⁴

Ср.: «Он оглушен Был шумом внутренней тревоги» (V, 146), «Он оглушен Был чудной внутренней тревогой» (V, 494). Эти

¹ Предыдущие заметки см.: Пушкинский сборник. Рига, 1974, вып. 2, с. 32—55.

² Жирмунский В. М. Творчество Анны Ахматовой. Л., 1973, с. 157.

³ Долгополов Л. К. По законам притяжения: О литературных традициях в «Поэме без героя» Анны Ахматовой. — Русская литература, 1979, № 4, с. 51—52.

⁴ При цитировании издания «Библиотеки поэта» (Ахматова А. Стихотворения и поэмы. Л., 1976) в скобках указан номер страницы.

строки Ахматова часто цитировала.⁵ Но еще важнее логика появления пушкинской цитаты в этом месте «Поэмы».

«Бал метелей» происходит около углового дома (Марсово поле 7/Мойка 1), в котором в середине 1910-х годов жила О. А. Глебова-Судейкина⁶ и где находились «Художественное бюро» Н. Е. Добычиной (ср. сцену оживающих портретов в либретто балета по «Поэме»)⁷ и кабаре «Привал комедиантов» — «Дом пестрей комедьянтской фуры» (365). История последнего как бы содержит в себе отсылку к теме наводнения: «Когда копали на Марсовом поле могилы для жертв революции, то земля оказалась так крепка, что применили динамит. Тогда расселась почва, и вода Мойки залила «Привал комедиантов». Отсырели нарисованные Григорьевым на стенах официанты и маски работы Судейкина. Это история точная, верная, в ней нет никакого символизма поэтому».⁸

Похороны жертв революции несколько раз упоминаются в контекстных автобиографических «отступлениях» либретто: «[23 марта 1917] — похороны жертв революции на Марсовом поле», «Панихида, как в «Маскараде» Мейерхольда (свечи, пение, вуали, ладанный дым). Или в «Пиковой Даме» (не опере, разумеется). 25 февраля 17 — на Невском Революция (похороны—хвоя—Шопен).⁹ Могила». При этом Марсово поле «наплывает» на Смоленское кладбище, с которым Ахматова связывала (наряду с одной пушкинской за-

⁵ Ср.: «...однажды я спросила ее: «У Вас уютно?» А. А. ответила: «Я, как Евгений у Пушкина, помните? Он оглушен был чудной внутренней тревогой» (Чулкова Н. Г. Воспоминания. — ИРЛИ, р. 1, оп. 85, № 192).

⁶ Дифирамб этому дому, в котором жили также А. Л. Волынский, Л. Н. Андреев, В. В. Каменский, мать Н. Н. Евреинова, см.: Евреинов Н. Н. Оригинал о портретистах. М., 1922, с. 14. Экспромт Маяковского «Приятно марсовым вечером Пить кузминской речи ром» (Коган Д. С. Ю. Судейкин. М., 1974, с. 186) сочинен в этой квартире Судейкиных в 1915 году.

⁷ Жирмунский В. М. Указ. соч., с. 172.

⁸ Шкловский В. О действиях одного художника. — Звезда, 1933, № 5, с. 79. О затоплении подвала см.: День, 1917, 3 окт. Ср. в стихах Г. Иванова: «И все стоит в «Привале» Невыкачанной вода». (Камена. Харьков; М.; Пб., 1918, кн. 1, с. 5). Ср. о «кучке поэтов, актеров, художников, которые спасаются в подвале от всероссийского потопа, как Ной в ковчеге» в очерке Г. Чулкова о «Привале» (Народоправство, 1917, № 12, с. 8). Ср. в «Подвале памяти»: «Мне кажется — опять глухой обвал Уже по узкой лестнице грохочет» (196).

⁹ Блок писал матери 23 марта 1917 г.: «вся Литейная и весь Невский запружены народом, матросы играют марш Шопена» (Блок А. А. Собр. соч.: В 8-ми т. М.; Л., 1963, т. 8, с. 481).

письму) первые «ростки» поэмы,¹⁰ и которое было слито для нее с памятью о наводнении 1924 года — подъем воды застал ее здесь во время панихиды по Ан. Н. Чеботаревской (утопленнице и самоубийце).¹¹ В одном из вариантов финала либретто — «...каменный крест у выросшей на Марсовом поле стены. Дальше также кресты. Стена кладбища. Голос Ольги: «Где-то здесь у стены могила Всеволода».¹² В хрониках наводнения 1824 года две эти точки Петербурга трагически соотнесены: «С Смоленского кладбища, где были разрушены самые твердые памятники с железными оградами, неслись во множестве деревянные кресты с могил и проч.»; «Улица пред Летним садом, да и самый сад, завалены были дровами, бревнами, досками, деревянными крестами с могил»; «Со Смоленского кладбища нанесло множество крестов к Летнему саду — на улицах лежали мертвые тела на другой день»¹² — ср.: «Гроба с размытого кладбища» (V, 141). Это же глубинное соотношение в «Поэме без героя» образует цепочку смысловых переходов к «Медному всаднику», с которой ахматовскую поэму иногда сближают по напрашивающемуся уподоблению «петербургского потопа» 1824 года мировой войне и революции.¹³

К Марсову полю приурочила Ахматова самоубийство гусара-поэта, пренебрегши топографией события-прототипа.¹⁴

---

¹⁰ Тименчик Р. Д. Неопубликованные прозаические заметки Анны Ахматовой. — Изв. АН СССР. Серия лит. и яз., 1984, № 1, с. 69—70.

¹¹ См.: Книги. Архивы. Автографы. М., 1973, с. 67. Возможно, Смоленское кладбище ассоциировалось у Ахматовой по смежности с Голодаем и с могилой Евгения. Отметим, что в стих. М. А. Зенкевича «Наводнение в Ленинграде» (1924) перед Медным Всадником появляется «Мертвец, от острова Голодая Принесенный...» (Зенкевич М. Избранное. М., 1973, с. 65). М. А. Зенкевичу же принадлежат сопоставление «Поэмы без героя» с «Медным всадником» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976, с. 78).

¹² Пушкин А. С. Медный всадник. /Изд. подг. Н. В. Измайлов. — Л., 1978, с. 112, 114, 122.

¹³ См. например: Leiter Sh. Akhmatova's Petersburg. Philadelphia, 1983, p. 146.

¹⁴ См.: Тименчик Р. Д. Рижский эпизод в «Поэме без героя» Анны Ахматовой. — Даугава, 1984, № 2, с. 113—121. Ср. в этой связи также сцену «Марс с Марсова поля» в кн.: Кузмин М. Чудесная жизнь Иосифа Балзамо, графа Калиостро. П., 1919, с. 149—150. Отметим вообще зловещие импликации Марсова поля в петербургской повседневной мифологии как «арены деятельности и убежища стоящих вне закона» (Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. М., 1977, с. 188).

Сдвиг этот, по-видимому, отвечает каким-то представлениям, укорененным в петербургской «повседневной мифологии» — сошлемся на один из петербургских романов о «последнем годе» (1913/14), тогда же написанный, в котором виновница самоубийства героя вспоминает: «И хотя все произошло в квартире его матери < . . . > на Сергиевской улице, но Елисавете Петровне казалось, что это было на Марсовом поле в солнечный холодный день на снегу, и будто было необыкновенно много крови вокруг».¹⁵ Смерть *воина* перенесена в «Поэме» на плац для парадов, воспетый в «Медном всаднике» — «Люблю воинственную живость Потешных Марсовых полей» и т. д. (V, 137). Мотив парада, разрабатывавшийся подробно в либретто,¹⁶ уже ранее возникал в лирике Ахматовой и при этом в конвое пушкинских ассоциаций:

Морозное солнце. С парада
Идут и идут войска.
Я полдню январскому рада,
И тревога моя легка (117).

Критик писал об этой строфе: «И как-то по-пушкински радуется теперь Ахматова зимнему блеску».¹⁷ Впечатление это создано накоплением цитат — сочетанием «мороза» и «солнца» (ср. «Зимнее утро» Пушкина), темой крещенского парада — ср. пушкинское «Товарищам»: «В крещенской утренней прохладе, Красиво мерзнет на параде...» (I, 259), отголоском «Сказки о золотом петушке» — «Войска идут день и ночь» (III, 560), реминисценцией из «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» — «Мне грустно и легко; печаль моя светла» (III, 158). Правка этой строфы показывает, что отдаленные пушкинские реминисценции Ахматова была склонна проявить (январскому/ноябрьскому, морозное солнце/морозное утро), а слишком явные затушевать так, чтобы они обнаруживались в результате некоторого читательского напряжения (и тревога моя легка/ и печаль моя так легка).¹⁸ В задачу входила не стилизация, а диалог с пушкинским текстом, и потому слишком «прямые» цитаты устранились,

¹⁵ Ивнев Р. Несчастный ангел. П., 1916, с. 10

¹⁶ Жирмунский В. М. Указ. соч., с. 170, 172

¹⁷ Слонимский А. Л. Рец. на кн.: А. Ахматова. Белая стая. — Вестник Европы, 1917, № 9—12, с. 406.

¹⁸ См. Голос жизни, 1914, № 7, с. 7.

как это было с эхом «Медного всадника» в «Как люблю, как любила глядеть я...» (131): «На закованные берега / На пустынные берега».¹⁹

И другой смысловой и образный слой «Поэмы» ведет к «Медному всаднику». Написанная в ночь на 27 декабря 1940 года, она продолжает и вырастает из целого ряда стихотворений этого года о бессоннице, которая была осмыслена как первоисточник собственной поэзии, например, в извлеченном в том году из архива раннем стихотворении «Подушка уже горяча...», как первоисточник всякой поэзии, например, когда она писала о стихах друга своей молодости В. Нарбута — «Это выжимки бессонниц...», и как путь возвращения в прошлое — «Путем всяя земли» («Ночные видения»), «Уж я ль не знала бессонницы...», «Тень». Последнее отсылает к двум стихотворениям Мандельштама о бессоннице — «Соломинка» и «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...». В «Поэме без героя» бессонница, нигде не названная прямо, просвечивающая сквозь сюжетный план сфера авторского пребывания (ср.: в либретто: «Автор в Фонтанном доме не спит трехсотую ночь»), сказывается своими метонимическими заместителями: например, призрак моря в Первом посвящении — одна из примет «бессонничных» стихов (см. хотя бы «Из далей далеких» Вяч. Иванова: «Море, темное море одно предо мной... Чу, Сирена ль кличет с далеких камней?..»)²⁰ Этот же сокрытый мотив вызывает образ «глагола времен»²¹ — поджидаемого боя ночных часов: «А часы все еще не бьют» (356), «Вот он, бой крепостных часов» (366). Звучание разнообразных хронометров все время слышится во «втором шаге» поэмы — «В ушах не умолкает бой часов», как сказано в стихотворении «Творчество» (201): «большие лондонские часы (справа) с серебряным звоном, которые били новогод-

¹⁹ См.: Зритель, Одесса, 1922, № 1, с. 1.

²⁰ Золотое руно 1907, № 3, с. 35. Заметим попутно в связи с этой цитатой и со стихом «Вдалеке завывли сирены» (433), что обозначение сигнального гудка в «петербургском тексте» ре-этимологизируется, актуализуя свои «мифологический» подтекст. Отсюда — частое появление «сирен» в стихах о Медном всаднике — у Б. М. Эйхенбаума, Н. А. Бруни, В. А. Зоргенфрея и др. Показательно, что «сирена» появляется в начале мандельштамовского «Старика» (Мандельштам О. Стихотворения. Л., 1974, с. 75) с его лафосом анахронизма.

²¹ Следует напомнить о «Шагах командора» Блока как одном из основополагающих подтекстов «Поэмы» (см. подробнее: Топоров В. Н. Ахматова и Блок. Berkeley, 1981, с. 38—40), где «хриплый бой ночных часов» произносит реплики Командора о смертном часе.

нюю полночь»²², куранты Петропавловского собора, играющие «Коль славен...»,²³ удары колокольного звона от Спаса на Крови (368). Сам «монотонный» и неотвязный²⁴ ритм поэмы и ее циклическое строение уподобляются ходу часов — один из читательских отзывов о поэме, ценимый Ахматовой: «похожа на большие старинные башенные часы со сложнейшим механизмом (Horloge)».²⁵ Подобное «развитие образа» (понятие, принятое в Цехе поэтов): бессонница — бой часов — ход механизма, — повторяет историю этого мотива в отечественной поэзии: «Юнгов (а, следовательно, державинский и тютчевский) бой ночных часов подвергся в позднейшей русской поэзии замечательному процессу тематического понижения. У Ал. Толстого уже не «глагол времен», а ход маятника; то же в прекрасных ночных стихах Бальмонта («равняя звуки точкам...»). А у Анненского — тиканье («стальная цикада»)».²⁶ Но уже у Анненского мотив размеренного и неизбежно возвращающегося звука трансформируется в образ механического органа — шарманки, как это видно из истории текста стихотворения «Будильник».²⁷ Образ шарманки все время возникает и на периферии «Поэмы без героя»: «За заставой воеет шарманка» (379), «Весь ты сыгранный на шарманке»,²⁸ «Что играет старик на шарманке»²⁹ — он же «одноно-

²² См. в несколько ином варианте: Жирмунский В. М. Указ. соч., с. 169.

²³ Встречи с прошлым. М., 1978, вып. 3, с. 400.

²⁴ См.: Цивьян Т. В. Ахматова и музыка. — Russian Literature, 1975, № 10—11, с. 191.

²⁵ Возможно, что образ старинного типа часов — стеклянных — отразился в ахматовском стихотворении «Стеклянный звонок». См. его текст: Дедулин С. От Либавы до Владивостока... — Коммунист, Липая, 1979, 8 сентября. К теме часов в предсимволистскую эпоху см. у К. Случевского:

Старинные часы прабабушки забытой,
С гудящим столбиком тройных колоколов, —
Как прочен и хорош ваш механизм открытый
И стук размеренный, и тихий ход валов!

(Случевский К. Соч.: В 6-ти т. СПб., 1898, т. 1, с. 121).

²⁶ Пумпянский Л. В. Поэзия Ф. И. Тютчева. — В кн.: Урания: Тютчевский альманах. Л., 1928, с. 50—51.

²⁷ Стихотворение имело подзаголовок «Арефина шарманка» (Арефа — слуга И. Ф. Анненского), 3—4 стихи читались: «Как я шарманку эту Не слушать был бы рад».

²⁸ Из стихотворения «Городу», написанного строфой «Поэмы». — Нева, 1979, № 6, с. 200.

²⁹ Виленкин В. Воспоминания с комментариями. М., 1982, с. 463.

гий старик-шарманщик (так наряжена Судьба)». ³⁰ Наконец, из механического устройства рождается вся поэма:

И снова

Выпадало за словом слово,
Музыкальный ящик гремел (371).

У ранней Ахматовой тема бессонницы повлекла за собой образ часов с самодвижущейся фигуркой: «И часы с кукушкой ночи рады Все слышней их тихий разговор» (68). «Бессонная» (72) героиня даже оказывалась в интерьере часового футляра, как в черновике стихотворения «Я живу, как кукушка в часах»:

Беспокоен мой тесный приют,
И колеса стучат, и иголки снуют (385). ³¹

Так процесс самоизживания мотива неостановимого и предопределенного хода времени приводит к символике заводной куклы. В центре сюжета «петербургской повести» оказывается «Петербургская кукла» в соответствии со сложившимися в начале нашего века представлениями о Петербурге: «...какая-то сказка об умном и недобродушном колдуне, пожелавшем создать целый город, в котором вместо живых людей и живой жизни возились бы безупречно исполняющие свою роль автоматы, грандиозная, не слабеющая пружина». ³² И образ Козлоногой строится по схеме истории об автомате. Она — оживший и вышедший из рамы портрет. Мотив этот подсказан сквозным приемом кабарежного искусства, от которого предстательствует Коломбина — О. А. Глебова-Судей-

³⁰ Встречи с прошлым, с. 403. О шарманке как знаке «петербургского текста» см.: Минц З. Г., Безродный М. В., Данилевский А. А. «Петербургский текст» и русский символизм. — Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, 1984, вып. 664 (Труды по знаковым системам, XVIII), с. 86. Незадолго перед «Поэмой без героя» стон «хриплой шарманки» послышался в «Путем всея земли» (348). А вскоре после нее — в «Надписи на книге «Подорожник» (200).

³¹ Тогда же написано стихотворение о сероглазом «мальчике-игрушке», судьба которого («Весело жить и легко умирать») уже предопределена:

В старых часах притаилась кукушка.
Выглянет скоро. И скажет: «Пора» (273).

По-видимому, именно эти стихотворения Ахматовой вызвали обращенный к ней экспромт Мандельштама: «Вы хотите быть игрушечной. Но испорчен Ваш завод...» Оба поэта были, по-видимому, еще и под влиянием «Человека» И. Анненского: «Я заводжусь на тридцать лет» (Анненский И. Стихотворения и трагедии. Л., 1959, с. 146).

³² Бенуа А. Живописный Петербург. — Мир искусства, 1902, № 1, с. 4.

кина,³³ и спецификой ее сценического облика.³⁴ Внутренняя связь куклы-танцовки с мотивом часового механизма подтверждается сноской, которую Ахматова сделала в одном из экземпляров поэмы к стиху «Как копытца, топочут сапожки» (62): «См. Инн. Анненский. «Кэк-уок на цимбалах»: «Молоточки топотали Не в те точки попадали».³⁵ Цитируется стихотворение, в котором игра цимбалиста изображена как самоиграющий музыкальный автомат.

Мотивы застывания и оживления пронизывают всю поэму — ср. хотя бы: «Каменею, стыну, горю» (357). Эта черта сближает ахматовскую поэму с «Пиковой Дамой»³⁶ и вызывает несколько прямых отсылок к ней: «В стенках лесенки скрыты витые» (365), «Но, наверно, вокруг тот самый Старой ведьмы Пиковой Дамы Город»,³⁷ «От меня, как от той графини...» (300). Реминисценцией из «Пиковой Дамы» Ахматова объявляла и стих «То, что вдруг мелькнуло в окне» (360) — ср.: «В это время кто-то с улицы взглянул к нему в окошко, — и тотчас отошел», «Германн <. . .> увидел, что кто-то опять поглядел к нему в окошко» (VIII, 247).

Для того, чтобы заклинительный призыв «возлюбленных теней»³⁸ в литературном произведении возобладал «магиче-

---

³³ Ср. о штампе русского кабаре — «фарфоровые часы, оживающие под старинный гавот» (Зимин А. <Шайхевич А.?> Оживленный фарфор. — Театр, Берлин, 1922, № 14, с. 10).

³⁴ См., например: «Сравнение с оживленной фарфоровой статуэткой стало уже избитым и пошлым. Сравним г-жу Глебову в роли Мари Куку с оживленной старинной литографией» (В. А. <Азов В. А.> Литейный театр. — День, 1912, 1 декабря).

³⁵ Цитата неточная — ср.: Анненский И. Указ. соч., с. 179. Глубинную ассоциативную связь могло поддержать то обстоятельство, что в 1917 году О. А. Глебова-Судейкина танцевала в «Привале комедиантов» «Кукольный кэк-уок» К. Дебюсси.

³⁶ См.: Лотман Ю. М. Тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века. — Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, 1975, вып. 365 (Труды по знаковым системам, VII), с. 137.

³⁷ Изв. АН СССР. Серия лит. и яз., 1984, № 1, с. 76.

³⁸ Название ахматовского цикла, посвященного умершим друзьям, — «*Ombrae adorgatae*», В. М. Жирмунский предположительно связывал с «Крейслерианой» Э. Т. А. Гофмана (Жирмунский В. М. Указ. соч., с. 181), но, возможно, что оно шифрует отсылку к пушкинскому «Заклинанию»: «Явись, возлюбленная тень...» (III, 246). В пушкиноведении указывалось, что этот стих мог иметь источником надпись больного Батюшкова на окне — «*Ombra adorata*», которая в свою очередь является цитатой из арии Ромео над телом Джульетты в опере Н. А. Цингарелли (Томашевский Б. Пушкин и Итальянская Опера. — Пушкин и его современники. Л., 1927, XXI—XXII, с. 59—60).

ской»,³⁹ сверхлитературной силой, он должен парадоксальным образом аккумулировать семантические поля высоких литературных прецедентов. И в «Поэме без героя» за призраком усопшей графини следуют строки —

Значит, хрупки могильные плиты,
Значит, мягче воска гранит (361),—

в которых сама Ахматова видела отзвук «Макбета» —

If charnel-houses and our graves must send
Those that we bury back (III, 4)

— и которые уже Н. О. Лернером были сближены с монологом Скупого рыцаря:

Когтистый зверь, скребущий сердце, совесть,
< . . . . . >
Займодавец грубый, эта ведьма,
От коей меркнет месяц и могилы
Смущаются и мертвых высылают... (VII, 113):⁴⁰ —

«перетекающая цитата»,⁴¹ колеблющаяся между Пушкиным и Шекспиром, но отсылающая не столько к каждому из названных источников, сколько к «переходу» между ними,⁴² развивает мотив оживления в «Поэме»: от оживших портретов и пришедших в движение вещей («бунт вещей») — к

³⁹ Отражением каких-то представлений о магической силе пушкинского «Заклинания», бытовавших, возможно, в близких к Ахматовой литературных кругах 1910-х годов, является рассказ автора «Петербургских зим» (сам по себе, скорее всего, вымышленный) о том, что В. К. Шилейко обставлял чтение этого стихотворения как обряд инвокации. Магический опыт: Из петербургских воспоминаний. — Сегодня, Рига, 1932, 30 октября). Ср. также «Заклинание»: «Из высоких ворот...» (186), где первый стих указывает на «подземное царство» — «Высоковратным» было именно оно, как видно из многих имен и эпитетов греческой мифологии» (Зелинский Ф. Ф. Царица-прислужница. — Вестник Европы, 1909, № 7, с. 84).

⁴⁰ Лернер Н. О. Рассказы о Пушкине. Л., 1929, с. 218—220.

⁴¹ См.: Тименчик Р. Д., Гопоров В. Н., Цивьян Т. В. Ахматова и Кузмин. — Russian Literature, 1978, VI—3, с. 246.

⁴² См.: Тименчик Р. Д. Текст в тексте у акмеистов. — Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, 1981, вып. 567 (Труды по знаковым системам, XIV), с. 73.

восставшим из гроба. Так «Поэма» подводится к самопроекции на «грандиозное»⁴³ пушкинское «Воспоминание» (оно же «Бдение» и «Бессонница»):⁴⁴

Две тени милые — два данные судьбой
Мне ангела во дни былые (III₂, 651).⁴⁵

И сама поэма уподобляется пушкинскому «свитку» воспоминания: «Другая тень < . . . >, отражаясь в зеркалах, поднимается по лестнице. В руках не роза, а свиток-поэма. Занавес».⁴⁶

Среди пушкинских текстов, через которые пролегает смысловой ход «Поэмы» к «Медному всаднику», один из наиболее важных — «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы», властно предопределивший трактовку мотива часов в русской поэзии.⁴⁷ В статье, специально (хотя и выборочно) рассматривающей традицию, созданную этим стихотворением, показаны рефлексии пушкинского текста в стихотворении Мандельштама «Когда удар с ударами встречается» (1910) — комплекс «Парки».⁴⁸ Это стихотворение Мандельштама в

⁴³ Ахматова А. О Пушкине: Статьи и заметки. 2-е изд. Горький, 1984, с. 105.

⁴⁴ Левкович Я. Л. «Воспоминание». — В кн.: Стихотворения Пушкина 18-0-х—1830-х годов. Л., 1974, с. 109.

⁴⁵ Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1984, № 1, с. 74, 76.

⁴⁶ Сплетение отсылок к теме Дон Жуана (к «Каменному гостю») и к «Воспоминанию» имело прецедентом кантату Анненского «Рождение и смерть поэта»: «О, свиток печальный! Безумные строки <...> Читаю и плачу... <...> Там в тяжком бреду Томительный призрак Свой черный вуаль, Вуаль донны Анны, К его изголовью Склоняя, смеется...» (Анненский И. Стихотворения и трагедии, с. 89). Отметим, что «пустыни немых площадей» (там же, с. 199), процитированные в одном из эпиграфов «Поэмы» (375), восходят, возможно, к «немым стогнам града» в «Воспоминании».

⁴⁷ «Этот мотив (бой часов, удары колокола как знак приближения к смерти, конца) в русской поэзии восходит, кажется, к Сумарокову («Часы»)» (Топоров В. Н. Младой певец и быстротечное время: К истории одного образа в русской поэзии первой трети XIX века. — В кн.: Russian Poetics. Columbus, Ohio, 1983, p. 433). Тема «бега времени» у Ахматовой (ср. традиционную надпись на старинных часах: «Tempus Fugit») в последнее время разбиралась в: Сауленко Л. Л. Имя книги: О традиции в поэтике А. Ахматовой, — Вопросы русской литературы. Львов, 1984, вып. 1 (43), с. 89—94. См также: Verheul K. The Theme of Time in the Poetry of Anna Akhmatova, The Hague; Paris, 1971.

⁴⁸ Григорьева А. Д. «Мне не спится...»: К вопросу о поэтической традиции. — Изв. АН СССР: Серия лит. и яз., 1974, № 3, с. 214.

свою очередь отразилось у Ахматовой.⁴⁹ «Парки бабье лепетанье» (III, 250) проникло во «второй шаг» «Поэмы» через Анненского⁵⁰ и Мандельштама. Мандельштамовское стихотворение «Кассандре», обращенное к Ахматовой, входит в ту вереницу «декабрьских» текстов, на которую ориентирована «Поэма» (что и было подчеркнуто эпиграфом из «Ворона» Э. По в раннем варианте: «Ah! distinctly I remember It was in the bleak December»):⁵¹

Я не искал в цветущие мгновенья
Твоих, Кассандра, губ, твоих, Кассандра, глаз,

---

⁴⁹ Ср.:

И вереница стройная уносится
С веселым трепетом, и вдруг
Одумалась и прямо в сердце просится
Стрела, описывая круг

(Мандельштам О Указ. соч., с. 256).

Ушла к другим бессонница-сиделка,
Я не томлюсь над серою золой.
И башенных часов кривая стрелка
Смертельной мне не кажется стрелой (86).

Из весьма вероятных источников Мандельштама уместно указать на последнее стихотворение Шенье, прерванное его казнью В переводе И Анненского: «Может быть, ранее, чем час, совершив свою круговую прогулку, начнет бодрой и звонкой стопой отбивать по блестящей эмали новые шестьдесят минут, гробовой сон смежит мои веки.». «В истории поэзии, — писал Анненский, — я не знаю другого случая, где бы красота так ярко торжествовала над жизнью и смертью: тени Орфеев и Арионов носились перед Шенье. История осуществила легенду» (Театр Еврипида. СПб., 1906, с. 531).

⁵⁰ О стихотворении Анненского, озаглавленном этой пушкинской строкой, см.: Григорьева А. Д. Указ. соч., с. 213. Отметим, что и в «Старых эстонках» (Анненский И Указ. соч., с. 216—218) отразилась пушкинская ситуация («Не часы ж, не умеем мы тикать») — в бессонного ложа поэта появляются богини судьбы в облике старых эстонок, «печальных кукол». Новые Парки не прядут, а вяжут, причем полисемия слова «петля» («Погоди, вот накопится петель.») накладывает мифологический мотив на реальность 1906 года.

⁵¹ К ним относится и «Соломинча» («Декабрь торжественный струит свое дыханье...», «Декабрь торжественный сняет над Невой») с ее намеком на тему наводнения («В огромной комнате тяжелая Нева») и, возможно, мотивом часов с календарем («Двенадцать месяцев поют о смертном часе»). Заметим, что имя героини Эдгара По («В моей крови живет декабрьская Лигейя»), возможно, заимствовано у одной из сирен (см. выше сн. 20).

Но в декабре торжественного бденья
 Воспоминанья мучат нас < . . . >
 Когда-нибудь в столице шалой
 На скифском празднике на берегу Невы
 При звуках омерзительного бала
 Сорвут платок с прекрасной головы.
 Но если эта жизнь — необходимость бреда
 И корабельный лес — высокие дома —⁵²
 Я полюбил тебя, безрукая победа,
 И зачумленная — зима. < . . . >
 Большая, тихая Кассандра.
 Я больше не могу. Зачем
 Сияло солнце Александра,⁵³
 Сто лет тому назад сияло всем!⁵⁴

В воспоминаниях о Мандельштаме Ахматова объясняла два последние стиха: «Конечно, тоже Пушкин. Так он передает мои слова».⁵⁵ Стихотворение Мандельштама, отсылающее к восстанию декабристов, содержит и ряд пушкинских ассоциаций. «Пир во время чумы» (сплетенный здесь, как и впо-

⁵² Ср. в неоконченной поэме Ахматовой о Петербурге (1916—1917): «И в черном саду между древних лип Мне мачт корабельных слышен скрип» (323). «Корабельный лес» — здесь одновременно и «лес кораблей» (ср. «Собирались эллины войною...» — М а н д е л ь ш т а м О. Указ. соч., с. 102). Ср. в черновиках «Медного всадника» аналогичное сближение «стройной громады дворцов и зданий» и «толпы кораблей».

⁵³ Имя «Александр» содержит, по-видимому, двойную отсылку: к Пушкину и к Александру I. В этой связи обратим внимание на стихотворение Мандельштама «Заснула чернь! Зияет площадь аркой» (М а н д е л ь ш т а м О. Указ. соч., с. 220), где судьба этого императора («И Александра здесь замучил зверь») соседствует с темой часов («Курантов бой и тени государей»).

⁵⁴ Свободный час, 1919, № 8 (1), на обложке. Несколько иной вариант: Воля народа, 1917, 31 декабря.

⁵⁵ В 1916—1917 годах в «образе Ахматовой» у Мандельштама вообще появились пушкинские обертоны. Говоря о ее «торжественности», Мандельштам цитировал из «В начале жизни школу помню я»: «Помните: смиренная, одетая убого, но видом величавая жена» (День поэзии. М., 1981, с. 196).

следствии в «Я скажу тебе с последней прямо́й»,⁵⁶ с темой Трои) — самая очевидная из них, и на нее сорок лет спустя откликнулась Ахматова в стихотворении памяти Мандельштама (в первом варианте, имевшем эпиграф из «Кассандре»): «Тем же воздухом, так же над бездной Я дышала когда-то в ночи» (405).⁵⁷ Ср.: «И бездны мрачной на краю», «И девы-розы пьем дыханье Быть может — полное Чумы!» (VII, 180, 181). Но в мандельштамовском обращении к Ахматовой есть и сигналы темы бессонницы — *бденье, бред*. Напомним «Будильник» Анненского:

Цепляясь за гвоздочки,
Весь из бессвязных фраз,
Напрасно ищет точки
Томительный рассказ,

О чем-то недоборе
Косноязычный бред...
Докучный лепет горя
Ненаступивших лет.⁵⁸

---

⁵⁶ «Греки сбондили Елену» и «Ангел Мэри, дуй коктейли» (Мандельштам О. Указ. соч., с. 152). Тема «Мэри» для Мандельштама была преломлена через Блока (см.: Мандельштам О. О поэзии. Л., 1928, с. 59; ср.: Спроге Л. В. Рецепция пушкинских образов и сюжетов в лирике А. Блока (цикл «Мэри»). — Проблемы пушкиноведения. Рига, 1983, с. 102—114). Любопытно, что мотивы наводнения и Трои соседствовали в петербургском стихотворении И. М. Борна «На случай наводнения 27 сентября 1802 года, в ночи»:

Скажи, зачем, о гневный Посидон!
Идешь на брань?
Се славный град Петров, не Илион,
Забывший дань.

(Поэты-радищевцы. Л., 1977, с. 190). Известно, что «троянская» тема и образ Кассандры были впоследствии подхвачены Ахматовой (Цивьян Т. В. Античные героини — зеркала Ахматовой. — Russian literature, 1974, № 7—8, с. 106—109; Иванович М. К. Разбору «чужих голосов» в «Реквиеме» Ахматовой. — Там же, 1984, XV—I, с. 174, 178). Напомним, что Парки для Пушкина — «пророчицы» (III, 860).

⁵⁷ Возможно, что «Это плещет Нева о ступени» в том же стихотворении отсылает к черновикам «Медного всадника»: «И вечный ропот о гранит» (Рус. мысль, 1910, № 6, с. 4).

⁵⁸ Анненский И. Указ. соч., с. 108. «Докучный» — тоже цитата из «Стихов, сочиненных ночью...».

Ср. о маятнике в «Тоске маятника»: «Залопочет, горячась».⁵⁹ «Лепетанье» Парки (возможно, подсказанное Пушкину стихотворением С. П. Шевырева «Ночь»),⁶⁰ ставшее у Анненского «лепетом горя», и «косноязычный бред», услышанный в однозвучном ходе ночных часов, соединились в прозе Мандельштама, дав возможный толчок к названию ахматовской поэмы (как это часто отмечают) — «Поэма без героя»:⁶¹ «Страшно подумать, что наша жизнь — это повесть без фабулы и героя, сделанная из пустоты и стекла, из горячего лепета одних отступлений, из петербургского инфлуэнцного бреда».⁶²

В черновике пушкинского «Мне не спится...» с образом античных прорицательниц и вестниц смерти конкурировал изофункциональный⁶³ библейский образ:

Парк пророчиц частый лепет
Топ небесного коня

*

Парк ужасных будто лепет
Топот бледного коня
Вечности бессмертный трепет
Жизни мышья бегогна (III₂, 860).

Для Пушкина этот галлюцинаторный образ был первым эскизом Медного Всадника, — как это некогда отметил

⁵⁹ Там же, с. 135. Ср. «скудной мельницы болтанье» в набросках к «Что за грустная обитель» А. К. Толстого (Толстой А. К. Полное собрание стихотворений: В 2-х т. Л., 1984, т. 1, с. 505). Это толстовское стихотворение — явный источник «Тоски маятника».

⁶⁰ Ср.: «Немая ночь! Прими меня <...> Боюсь рассеянного дня <...> Там дремлют праздные умы, *Лепечут* ветренные люди» (Шевырев С. П. Стихотворения. Л., 1939, с. 65).

⁶¹ Ахматова говорила о «Поэме без героя», что «по духу она близка «Огненному столпу» и позднему Мандельштаму (может быть, даже его прозе)».

⁶² Мандельштам О. Египетская марка. Л., 1928, с. 65. Ср. там же о «лепете цикад» при описании мастерской часовщика (с. 31). К мотиву «инфлуэнцы» ср. тему «большой, тихой» Кассандры (в другом варианте: «Касатка, милая Кассандра Ты стонешь, ты горьшь...»). Болезнь Ахматовой, отразившаяся и в стихотворении «Что поют часы-кузнечик...» (сопоставлению его со «Стихами, сочиненными ночью...») был посвящен доклад И. Л. Альми на республиканской научной конференции в Латв. гос. ун-те в октябре 1984 года), возможно, была одним из толчков к апокалиптической формуле Мандельштама: «...перед концом, когда температура эпохи всколыхнула на тридцать семь и три...» (там же, с. 17).

⁶³ См.: Григорьева А. Д. Указ. соч., с. 211. Ср.: «И се конь блед и сидящий на нем, имя ему смерть» (Апок., VI, 8).

Б. М. Энгельгардт.⁶⁴ Как в истории европейской механики идея автомата вытекала из концепций часового механизма,⁶⁵ так и в поэтической мифологии Пушкина соотнесены ход ночных часов и тот автомат, которым стала ожившая статуя Петра.⁶⁶ В начале нашего века, когда символизм возродил и переосмыслил мотив куклы-автомата,⁶⁷ и когда фальконетов монумент заставлял вспомнить о «восковой персоне» К.-Б. Расстрелли,⁶⁸ мотивы «Стихов, сочиненных ночью...» и «Медного Всадника» стали переплетаться, как в «Медном Всаднике» («Сивилле») Вяч. Иванова:

Мнишься ты в ночи Сивиллой..
Что, седая, ты бормочешь?
Ты грозись ли мне могилой?
Или миру смерть пророчишь?
Приложила перст молчанья
Ты к устам — и я, сквозь шепот,
Слышу медного скаканья
Заглушенный тяжкий топот...⁶⁹

---

⁶⁴ Пушкинист. Ист.-лит сб. Пг., 1916, II, с. 152. Ср: Проблемы пушкиноведения. Рига, 1983, с. 95—96. Ср. в описании бессонной ночи у Ч. Р. Метьюрина, отразившемся, по-видимому, в «Медном всаднике» (см.: Осповат А. Л., Тименчик Р. Д. «Печальну повесть сохранить...»: Об авторе и читателях «Медного всадника». М., 1985, с. 284): «..в звуках, издаваемых неодушевленными предметами в то время, как все живое словно вымерло, есть что-то неописуемо страшное» (Метьюрин Ч. Р. Мельмот-Скиталец/Пер. А. М. Шадрина. М., 1983, с. 24; речь идет о бое часов в полночь).

⁶⁵ Ямпольский М. Неоконченная пьеса для механического человека. — Декоративное искусство, 1984, №№ 4, 6.

⁶⁶ О Медном всаднике как «автомате» см.: Лотман Ю. М. Указ. соч., с. 138.

⁶⁷ См. Гиппиус В. В. Люди и куклы в сатире Салтыкова. — В кн.: Гиппиус В. В. От Пушкина до Блока. М.; Л., 1966, с. 330.

⁶⁸ В 1906 году в разговоре с Е. П. Ивановым (которого, как известно, «коржило» от «Медного всадника») Андрей Белый «говорил легенду о встающем с места автомате Петра с его собственными волосами» (Блоковский сб., Тарту 1964, с. 410). Заметим, что в «Петербурге» Андрея Белого, которого не раз называла в связи со своей поэмой Ахматова, тоже есть известная параллель между часовым механизмом «сардинницы ужасного содержания» и передвигающимся по Петербургу фальконетовым изваянием.

⁶⁹ Адская почта, 1906, № 1, с. 6. На интонацию «Стихов, сочиненных ночью...» в этом стихотворении обратил наше внимание В. Э. Вацуру.

Галлюцинации ночного бдения часто подсказывают звук копыт,⁷⁰ но глубоко закономерно, что у дома братьев Адамини как вестник смерти появился именно покинувший свой Гром-камень монумент работы Фальконе.⁷¹

В одном из набросков к «Поэме» Ахматова говорит:

Превращая концы в начала,
Верно, людям я спать мешала.

«Город райского ключаря» — Санкт-Петербург — был для Ахматовой «городом мертвого царя» (323) — Петра I.² Поэ-

---

⁷⁰ О «коннице бессонниц» Мандельштама и «топоте конницы» у Ахматовой см.: Вопросы литературы, 1968, № 4, с. 204; Виленкин В. Указ. соч. с. 442; Проблемы пушкиноведения. Рига, 1983, с. 96.

⁷¹ Ср. характерный параллелизм в циклах иллюстраций А. Н. Бенуа к «Медному всаднику» (вариант 1922 года) и «Пиковой Даме». Первый завершается виньеткой с лишившимся конной статуи Гром-камнем, а на концовке второго — «Смерть, гасящая свечи после театрального представления <...> перед пустыми, лишенными стрелок часами» (Философов Д. В. «Пиковая дама». — Речь, 1911, 21 ноября). По-видимому, одной из подсказок к этому образу были упомянутые у Пушкина «столовые часы работы славного Легоу» (VIII, 240).

⁷² Отсылки к теме Петра I есть и в других местах «Поэмы»: «На Галерной чернела арка», сопровождаемое эпитафией «И под аркой на Галерной...» (366), отсылающим к стихотворению о «холодной улыбке» императора Петра (78); «Коридор Петровских Коллегий» (363); тема Фонтанного Дома — «При шведах здесь была мыза. Петр подарил это место Шереметеву за победы» (Жирмунский В. М. Указ. соч., с. 167); «Из-за ширм Петрушкина маска» (363) — при соотнесении Петрушки, Св. Петра и Петра I в русском фольклоре (Топоров В. Н. Заметки о растительном коде основного мифа: перец, петрушка и т. п. — Балканский лингвистический сборник. М., 1977, с. 202—206). В связи с последним многозначительно появление меднолитного Петра на Марсовом поле — месте петербургских балаганов в конце XIX века (помимо прочего, Ахматовой могло напомнить об этом перечитывание в 1940 году «Современной идиллии» — ср.: Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20-ти т. М., 1973, т. 15, ч. 1, с. 18), последнем прибежище *commedia dell'arte* в России (ср.: Сиповский В. Итальянский театр при Анне Иоанновне. — Русская старина, 1900, № 6, с. 597). Появление Медного всадника на Марсовом поле в «сне» А. М. Ремизова (см.: Проблемы пушкиноведения. Рига, 1983, с. 89; Минц З. Г., Безродный М. В., Данилевский А. А. Указ. соч., с. 90), где император руководит избиением обезьян, объясняется другим моментом в истории Марсова поля — при Петре I здесь было место звериной травли, а потом — и Зверинец (Пушкарев И. Описание Санктпетербурга. СПб., 1839, с. 84). Высказанное

ма, по ее словам, «рвалась куда-то обратно в темноту, в историю < . . >, или вернее, в петербургский миф от Петра до осады 1941—1944». И когда на углу Марсова поля («Дом, построенный в начале 19 века бр. Адамими. В него будет прямое попадание авиабомбы в 1942 г.» — 368) послышался звон невидимых копыт недовольного «своей столицей новой» государя (77), история окончательно превратилась в миф, конец превратился в начало.

Пушкинская цитата у Ахматовой непрозрачна, ее надо «вычитывать» — ничего, впрочем, иного и не следовало ожидать от поэта, который в отношении к Пушкину выше всего ценил «грозное целомудрие».

* * *

в печати предположение о том, что «посланец давнего века» (380) — апостол Петр (Бурькин А. А. Некоторые материалы к изучению литературных реминисценций в «Поэме без героя» А. А. Ахматовой. — В кн.: Всесоюзная науч. конф. молодых ученых-филологов: Тезисы докладов. Тбилиси, 1981, с. 30), пока не представляется доказанным. Однако несомненно, что тема «райского ключаря» в «Поэме без героя» присутствует. Здесь нет места говорить об этом подробнее. Отметим только характеристику таинственного художника в «Эликсире дьявола» Э. Т. А. Гофмана (см. о возможной отсылке у Ахматовой к этому персонажу: Топоров В. Н. Ахматова и Блок, с. 194): «Этот живописец, или Вечный Жид, Агасфер, или же Бертран де Борн, Мефистофель, Бенвенуто Челлини, или св. Петр, но, во всяком случае, выходец из того света» (Гофман Т. Собр. соч.: В 6-ти т. СПб., 1897, т. V, с. 97; пер. В. Л. Ранцова).

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ЛАТВИЙСКОЙ ССР

ЛАТВИЙСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ПЕТРА СТУЧКИ

Кафедра русской литературы

ПУШКИН И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Сборник научных трудов

ЛАТВИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. П. СТУЧКИ

РИГА 1986